

Воспоминания о Некрасове

Да, хороший был барин. Он меня ведь и в люди-то вывел. Как же, как же! Пожили мы с ним, слава богу! Все было! У нас вся охота была откуплена, верст на двадцать. Любил он, чтобы пространство было. В другом месте и не бывает, а деньги плачены. Прежде-то было раздолье! А теперь, что ни дальше, то хуже... И дичи меньше, и леса рубят бесщадно. Любил Миколай Лексеич сюда ездить. "Вот, говорит, бывало, в Ярославле куда лучше у меня именье, а не люблю туда". Бывало, сидит на балконе, и вдруг это где-нибудь вдалеке кто-нибудь выстрелит. Сейчас посылает: "Кто это, говорит? Ступайте разыщите". Ну, идешь, ищешь. Да разве найдешь? "Неизвестно, мол, кто, Миколай Лексеич". Да, следили строго, чтобы никто кроме не охотился. Бывало, наедут к нам гости, - к ему ведь какие ездили? Тузьё. Министры, графы. Ну с собаками, с ружьями, с припасами, с закусками, с винами отправляемся. Раз этак порошка выпала, на зайцов поехали, - так господа-то в санках лежат, а сзади девки-загонщики с песнями всю дорогу. Право! весело было. Ежели веселая охота, всех угощал... Да и кормилось около него немало. Я вот двадцать пять рублей в месяц по летам получал, а были, которые круглый год получали. Да и прочим мужикам перепало. Добрый был, что и говорить¹. На постоялом ежели остановимся, - ну, что там? Припасы все свои, только бы за самовар да за ночлег, а он хозяину рупь, хозяйке рупь, ребятишкам по рублю. Так бумажками и оделял. Мужики-то хорошо его знали. Бывало, едем дорогой. Подходит мужик, снимает шапку. "А я вот для вас, Миколай Лексеич, выводочек присмотрел, за речкой; хлопотал, трудился; уж соблаговолите!" - "Ну, скажет, рассказывай где, а вот тебе за труды". Вынимает целковый. А потом лезем-лезем по болоту - нет ничего. Да он не сердился... Знал уж он их! И супруга его, Зиновья Миколавна, бывало, все с ним... Приедет из Питера барыней, а на охоту едет барином: брюки наденет, пинжак, сапоги. Веселая была, красивая. Иной раз на что-нибудь рассердится Миколай Лексеич, она сейчас охватит его, целует, развеселит да развеселит. Хворый он, сердиться-то ему нельзя - вот она и старается. Только раз беда с ней стряслась. Видели памятник-то? Самая его любимая собака была². Они, бывало, вдвоем с супругой за стол и собаке тут же третий прибор ставят. Что им, то и ей... И всегда она с ним: и в вагоне, и везде. Хоть на день в Петербург, и ее берет. Вот грех-то и приключился с Зиновеей Миколавной. На токах были, сидели в шалаше, ночью часа в два. Вышла она из шалаша, а из кустов тетерка. Она трах, а Кадо как раз тут же крался. Взвыл пес и кувырком. А она - батюшки! Бросилась к нему, потом к Миколаю Лексеичу - не знает, что и сказать. "Ну, говорит, что хочешь, то и делай теперь со мной"... Она после этого и охотиться перестала. А собаку мы похоронили. Как же!.. Да много всяких случаев было. Меня самого чуть Миколай Лексеич не пристрелил. Стоим мы на току. Много нас по кустам, а темно, на рассвете плохо видно. Себя-то Миколай Лексеич берег, стоит в кустах да покрикивает сиплым этак голоском: "Смотри, ребята, я здесь!" Ну, а про нас-то иной раз разгорячится и забудет. Стоим мы с камендинером против него на полянке, и вдруг летит тетера. И прямо на нас. А Миколай Лексеич целит и ружьем ведет. Что тут делать? Мы сейчас это сразу назем и припали. Трах! Тетера лежит, и мы лежим! Ловкий был, хорошо стрелял, ну, а все-таки сохранил господь. Во всякую погоду, и в дождь, и в стужу, лазили мы с ним. Охота! Что тут будешь делать! Бывало, уж и нездоров, пойдем на ночев, укутаем, накроем в шалаше, кряхтит, охает - дождь это, слякоть, и дичи-то никакой нет, а он все сидит да ждет. Да... напоследок-то совсем уж плох стал, расхворался, приедет больной, грустный, хмурый. Тут ему доктора для здоровья велели утром и вечером в речке купаться. Бывало, возьмет меня. "Разденься, говорит, Миронов, попробуй, не холодная ли очень". Ну, залезешь в воду. "Ничего, кричишь, Миколай Лексеич!" Хошь, оно и холодная, да уж обманом хочешь заманить, а то видно, что не хочется ему. "Эх, Миронов, - скажет, бывало, - не то, что в воду, в огонь бы бросился, только бы по-прежнему здоровым быть". Да, совсем он плох сделался, желтый весь, худой... А потом уж так и слег у себя на петербургской квартире. Ну, а все-таки до самого конца не забывал нас. Приказывал привозить к нему дичь. Помню, раз, незадолго до его смерти, осенью, привез я ему дупелей. Велел он их сложить на поднос и меня позвал. Смотрит на них да плачет. "Хоть бы раз, говорит, побыть"... Да уж нет, не довелось... Помер... Хороший был барин, что и говорить! А иной раз приедет и словно что найдет на него, не говорит ни с кем, запрется в кабинете и сидит дня три, четыре. Тут уж к нему никто не мог войти. Даже и Зиновья Николаевна... Дадут ему только в дверь стакан чаю или поесть что: он возьмет сам в дверь и опять затворится. Что уж он там делал, и не знаю!

- Писал, может быть!

- Пожалуй, что писал. Ну, да мы в эти дела не вникали. А он, положим, нам все про себя рассказывал. Раз как-то прислал телеграмму: ждите в такой-то день. Выехали к поезду, - нет его. И вечером нет. На другой день приехал. Пошли на охоту. Веселый такой... "А знаете, говорит, почему я вчера не приехал? Играл в карты, да много проиграл, несколько тысяч. Жалко стало. Дай, думаю, отыграюсь. Остался. Да не только свои вернул, еще восемь тысяч выиграл". - "Ну, что же, говорим, слава богу, Николай Алексеич". Тут к нему один господин часто ездил. Важный такой. Так тот и один сам с собой все в карты играл... Разложит в своей комнате карты и сидит над ними. А то привезет, бывало, Николай Алексеич ружье новое, показывает: "Пятьсот рублей дал. Хорошо?" Славный был, простой барин!..

Примечания

Иван Васильевич Миронов из Чудовской Луки, охотник. Воспоминания записаны в 1902 г. И. Жилкиным.

Печатается по тексту газеты "С. -Петербургские ведомости", 1902, No 354, от 28 декабря.

¹ Стр. 422. В беседе с Мироновым, записанной в 1912 Г. З. Слезкинской, есть такой вариант рассказа:

"-- Хороший был барин, - заговорил снова старик, когда мы сидели уже за поданным хозяйкою чаем. - Много и после него здесь господ жило, а такого доброго да простого не было. Как приедет сюда, каждый-то день с ним вместе был. Иной раз уйдешь утречком пораньше, поразведать насчет охоты, а Николай Алексеич ждет, ждет да и придет на деревню под окошко справляться... Бывало, едем с ним на охоту, говорить начнет - заслушаешься.

- О чем же?

- Обо всем. О жизни больше. Как жить надо по-хорошему, честно, без зла. Нашу-то жизнь как знал, бедность крестьянскую... И о детях говорил, как их растить надо, правде да добру учить.

- Он любил детей?

- Всех он любил. Ссор только не любил. Сами ведь знаете, всяко в жизни бывает. Перессорится, это, наш брат, да и говорят друг другу: "Вот ужо Николай Алексеич приедет, пожалуюсь на тебя". Приедет, и вправду к нему идут. Он выйдет и слушает. Всяк свое говорит, а Николай Алексеич улыбнется да скажет:

- Гмм... - это его любимая поговорка была, - и отойдут. А то кончится охота. Даст денег и велит народ рассчитывать по справедливости.

Соберутся, это, все в избу. Начнешь делить - ссоры начнутся. И здесь Николай Алексеич никогда не вступится. Лежит только на лавке, подопрет голову рукой, ни слова не говорит, а сам только смотрит и смотрит да слушает, точно он человека насквозь видит.

А случись беда какая, узнает, и просить не надо. Раз у одного хозяина две лошади пали. В поле работа стоит. Вот мы и собрались в воскресенье, знаете, по-деревенски "помочью" и пашем поле. Идет мимо Николай Алексеич.

- Это что, говорит, за работа?

- Помочь, Николай Алексеич, - и рассказали, в чем дело.

- Ну, коли помочь, так и мне помочь надо, - и вынул двадцатипятирублевку" (*ИВ*, 1913, No 1, стр. 148--149).

² Стр. 422. На могиле Кадо в усадьбе дома, принадлежавшей Некрасову, сделана надпись: "Кадо, черный понтер. Был превосходен на охоте, незаменимый друг дома. Родился 5 июля 1868 г., убит случайно на охоте 2 мая 1875 г."